

ХАЙНЦ ПУШМАНН (1924-2013) – ПАРАШЮТИСТ КАССИНО, НОРМАНДИЯ, СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ

Хайнц Пушманн (Heinz Puschmann) служил в воздушно-десантных войсках, но не совершил ни одного прыжка с парашютом в боевых условиях. Он воевал на юге Италии, потом окончил офицерскую школу и вернулся на Итальянский фронт, приняв участие в боевых действиях в районе [Монте Кассино](#). В дальнейшем он принимал участие в [боях в Нормандии](#) и обороне [Карантана/Carentan](#), где его 6-й Парашютный Полк было почти полностью уничтожен. Во Франции он был ранен и в начале 1945 года снова оказался в Италии, где принял участие в последних боях на этом фронте.

После войны он окончил университет и эмигрировал в Новую Зеландию.

Детство, юность, Гитлерюгенд, поступление в вооруженные силы, боевая подготовка

Где Вы родились, какой была Ваша семья?

Я родился в городе Хинденбург (ныне Забже, Польша) в 1934 году. Хинденбург считался городом воинов.

Ваша семья была большой?

У меня была младшая сестра. В 1944-м я увиделся со своими, когда был в отпуске, в следующий раз это произошло в 1972-м, 28 лет спустя.

Это потому, что дело было в Силезии?

Да, потому что эти места были оккупированы сначала русскими, а потом поляками. Моя сестра по-прежнему живет там. Я уехал оттуда 30 декабря 44-го, когда окончился мой отпуск. 1 января прибыл в Стендаль/Stendahl и оттуда был переведен в мою часть, 5-го или 6-го.

Гитлерюгенд – это было обязательно?

Да. [Нацистский?] городской лидер работал вместе с моим отцом. Он сказал: «Почему бы вам не записать своего сына?» С 10 до 14 лет у нас было то, что называется лагерями, потом мы были бойскаутами (немецкая версия - Pfadfinderbund Weltenbummler - быстро исчезла после прихода Гитлера к власти - ВК), потом был Гитлерюгенд.

Думаю, это было что-то вроде того, что делали бойскауты – приключения и забавы?

Да, такого было много, потому что тогда, когда Гитлер пришел к власти в 1933-м, 20 миллионов человек были без работы. Он принес процветание. До этого царили безработица и депрессия, и тут появился Гитлерюгенд. Отец сказал, что записаться в него будет делом полезным, и я так и сделал. Вообще, тогда невозможно было начать обучаться какой-нибудь профессии, если ты не состоял в Гитлерюгенде.

С отцом я никогда не говорил о политике. Его интересовала моя солдатская жизнь, но я не говорил с ним о моих чувствах по отношению к *Третьему Рейху*. Дело было в том, что он никогда не относился ко всему этому благосклонно...

То есть, он не был настроен прогитлеровски?

Да, но не могу сказать был он за или против...

В *Гитлерюгенде* я попал в группу ребят, которые ставили спектакли и делали представления для раненых солдат в госпиталях. У меня была военная форма времен [Фридриха Великого](#), потом, когда пришли русские и стали обыскивать дома, они нашли ее...

Это что, была настоящая форма этой эпохи?

Нет, просто костюм, в котором я играл свою роль. Они поставили мою мать к стенке и собирались расстрелять ее, но там оказалась женщина, которая говорила по-польски, и русские могли понимать сказанное на этом языке. Эта женщина 45 минут уговаривала их отпустить ее, но позднее, месяцев через шесть, она умерла от нервного потрясения...

Вы получали удовольствие от своей от своей театральной деятельности и того, что Вам приходилось делать в *Гитлерюгенде*?

Да, получал.

Когда мне было 13 или 14 лет, и я должен был переходить из начальной школы в среднюю, отец сказал мне: «Чем ты собираешься заняться?» Я ответил: «Хочу записаться в ВВС.» Он мне: «На какой срок?» Я говорю: «На 25 лет.» Он сказал: «Хорошо, но здесь нет средней школы для тебя, парень. Иди и приобретай какую-нибудь профессию.» Мой отец был инженером. Ну, я приобрел профессию и пошел в ученики к слесарю-токарю. Это должно было занять 3 ½ года, но я не отбыл весь срок, потому что подал заявление о приеме в офицерскую школу. Меня приняли и записали в парашютисты.»

Почему Вы пошли в парашютисты?

Это был новый род войск, и в него брали тех, кто проявил к этому интерес. У меня есть книга, в которой описан наш курс подготовки. Нам приходилось забираться на башню высотой 50 метров и прыгать в емкость с водой.

И как Вам это?

Если ты не хотел прыгать, тебе говорили, что у тебя нет силы воли или храбрости для этого, и тебя отчисляли.

Сколько Вам было тогда лет?

17 с половиной. После соответствующей подготовки мы приступили к прыжкам.

Обучение было строгим?

Очень строгим. Предварительное обучение включало в себя 6 недель пехотной подготовки, потом мы переходили к прыжкам – 6 дневных и один ночью, после чего ты получал нашивку парашютиста.

Думаю, в этот момент Вы были преисполнены гордости?

Да. Так и было, а мой отец при этом думал, что я записался в ВВС.

Обучение немецких парашютистов. 1939 год

То есть, Вы записались в парашютисты и ничего ему не сказали?

Да, так и было.

А, потому что парашютисты тогда входили в *Люфтваффе*, не так ли?

Да, правда у нас были серые брюки и, как и в ВВС, голубые кители. У нас были желтые нашивки, по которым можно было идентифицировать воинскую часть. Красные нашивки носили зенитчики.

Вы хотели стать военным, потому что такие традиции существовали в Силезии и Восточной Пруссии?

В какой-то степени, да. Меня это привлекало.

Жажда приключений?

Да, и еще чувство долга. Может, я не должен это говорить, но солдат представляет из себя большее, чем гражданское лицо, потому что он выполняет свой долг перед родиной.

Вы знали о том, что вот-вот начнется война, когда записывались в вооруженные силы?

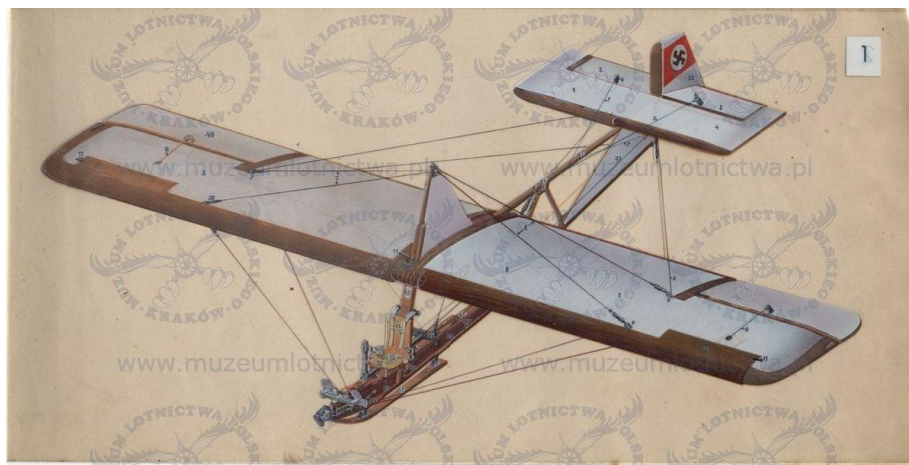
Да, конечно.

Расскажите мне о том, как Вы клялись в верности парашютным войскам. А не нацистской партии. Было ли это тем, что Вы должны были сделать сразу после того, как поступили на службу?

Даже до того, как я поступил на службу. Если ты носил значок члена нацистской партии, ты должен был покинуть ее ряды до записи в армию: ты ушел, и они больше не властны над

тобой. Теперь у тебя новая и более высокая миссия – защищать свою страну. Мне было 14 или 15, когда я начал летать на планерах. Другие парни, которые хотели записаться в *Кригсмарине*, должны были записаться в морские скауты, чтобы ходить под парусом и на веслах. Я начал проходить летную подготовку.

А Вам не хотелось стать летчиком?

Планер Schulgleiter (SG) 38

Когда я начинал – да, хотелось. Но потом появилась возможность пойти в воздушный десант, а это обещало больше приключений и шанс совершить прыжок с парашютом. Правда, когда я летал на планерах, это было интересно. Мы начали на аппаратах SG38. 12 человек тянули резиновый трос, двое придерживали планер. Потом инструктор говорил *Побежали!*, и парни делали рывок вниз по склону. Потом он говорил *Отпустили!*, и планер отрывался от земли...

Потом мы получили *Fieseler Fi 156 Storch*.

Это был потрясающий самолет – он мог взлететь отовсюду...

О, да. Еще нам приходилось собирать собственные аэропланы и ремонтировать их. Я никогда не был силен в работе руками и поэтому пошел в радисты и выучил *азбуку Морзе*. Два часа в неделю я должен был сидеть у радиостанции, а по выходным, в конце недели, мог летать. Мы не были обязаны платить за все это. Когда началась война, мы находились в 9 км от польской границы. В наших городках войска концентрировались для атаки.

Вы все это видели?

Мы видели все.

Это, вероятно, было захватывающее зрелище...

Полиции были нужны вестовые, потому что на церковных колокольнях сидели люди, которые вели наблюдение за польскими войсками или самолетами, и наш старший наставник сказал нам: «Ты, ты и ты.» Когда в 39-м началась война, мы спали в центральном полицейском участке. По ночам мы доставляли распоряжения наблюдателям, сидевшим на колокольнях. Был день, который я запомнил, когда все небо осветили ракеты, и прилетел самолет, который сбросил бомбы. Это был единственный случай до 44-го года, когда на эти места упали бомбы.

Давайте вернемся к периоду Вашего обучения. Сколько оно продолжалось?

12 недель – 6 недель на местности, потом 6 недель прыжков, далее ты получал *крылышки* и назначение в полк.

Обучение начиналось с того, что ты должен был перепрыгнуть через троих парней, лежавший на земле спина к спине, словно собаки. Потом их число увеличивалось до 10, потом тебя допускали к прыжкам с вышек – ты прыгал и дальше болтался на стропах. Сначала высота была 5 метров, потом 10 метров. Смотрели, как ты приземляешься: если на ноги, тогда допускали к следующей стадии. Еще нас прогоняли через тоннели, через которые ты едва мог протиснуться, расстояние было 5 или 6 метров... Были также прыжки в яму.

Вы помните свой первый прыжок с парашютом?

Не думаю... Стоишь в двери, ждешь сигнала, в этот момент у тебя есть возможность посмотреть, что делается там, внизу... Первый прыжок мы делали четверками: сначала первая, потом машина разворачивается и возвращается, еще четверо, потом еще четверо. Когда был второй прыжок, нас было 12. Когда был четвертый или пятый, мы прыгали с *He-111*... С собой у нас не было ничего, только пистолеты, но потом, когда мы уже прыгали с *Ju-52*, у меня на шее уже висела винтовка.

В боевой обстановке, полагаю, Вы бы прыгали с полной выкладкой?

Да, с боезапасом, винтовкой или автоматом. Такой порядок был установлен уже после [Крита](#), когда люди десантировались без оружия, а после каждого шестого выпрыгнувшего сбрасывали контейнер [с оружием и/или различными припасами]. Потом людям приходилось искать контейнеры, чтобы вооружиться винтовкой или еще чем-нибудь. То же самое было с рациями.

То есть, после Крита Вы стали прыгать с винтовками, автоматами и всем прочим?

Да.

Почему у Вас были [специальные каски](#)?

У них были специальные ремешки здесь и здесь... А если ты прыгал с другой каской на голове, он издавал страшный шум.

Вы помните, когда завершилось Ваше обучение?

Должно быть, в 42-м.

Первое и второе пребывание на Итальянском фронте

Куда Вы получили назначение?

Я в 43-м отправился в Италию, там попал в 1-ю Воздушно-десантную Дивизию. Дело в том, что, окончив курс обучение парашютному делу, я пошел в школу подготовки офицеров. Там я прошел 6-месячный курс, после чего получил звание и в Италии стал командиром взвода.

То есть, это было Ваше первое путешествие в Италию?

Да.

1-й Полк 1-й Дивизии?

Да. Нам говорили, что там-то и там-то нужны добровольцы, ну и все мы, во-первых, хотели заработать какие-то награды, а во-вторых, чем скорее закончится срок твоего пребывания на фронте, тем скорее ты мог вернуться в офицерскую школу для прохождения второго курса обучения. Потом ты должен был снова отправиться на фронт, и, при условии, что ты справился со своими обязанностями, ты мог получить офицерское звание: Дело было так и никак иначе.

Каким было Ваше звание, когда Вы первый раз попали на фронт после 6-месячного курса?

Просто парашютист и ничего более того.

Итак, для начала Вы попали на юг Италии?

Да, и потом я вернулся в офицерскую школу в качестве кадета, а уже потом попал под Кассино.

Должно быть, Вам пришлось немало пережить в Кассино?

Да... Я был прикомандирован к одной из рот – у меня никогда не было своей роты. Мы были связистами. Например, во Франции я служил при командире батальона. Вернувшись в Италию, я находился рядом с полковником Штрауссом (Strauss ???). Своей роты у меня не было.

Что осталось у Вас в памяти о Кассино?

Там были жестокие, очень жестокие бои...

Вам нравилось воевать в рядах парашютистов?

О, да.

И это несмотря на то, что ...

Ты забываешь плохое и помнишь только хорошее.

Сильное чувство товарищества?

Да. Ничего другого и быть не могло, потому что офицеры были с нами единым целым. Мы ели то же, что и они. Единственное отличие было в том, что после боев, когда мы возвращались в лагерь, у офицеров было свое жилье, а мы жили в казармах.

Но на передовой Вы держались все вместе?

Да.

Можете ли Вы сказать, что у Вас были первоклассные офицеры?

Да, были исключения, я в начале упоминал одного такого, того капитана. Он был немного напуган, не знаю, как он оказался там: у него не было никаких наград, никаких заслуг...

После того, как мы выбрались из руин Кассино, когда мы снова оказались на передовой, американцы и британцы говорили: «Снова эти зеленые дьяволы.» Вообще, мы уважали британцев и новозеландцев. Не знаю, что можно было сказать про американцев...

Ну и как бы Вы сравнили американцев и британцев?

Разные, воевали они совсем по-разному.

В каком плане?

Потому что британцы, да и новозеландцы тоже, вступали в бой даже тогда, когда у них не было поддержки с воздуха. Американцы останавливались, когда в небе не было их авиации. Так было под Кассино. Когда я разговаривал с новозеландским капитаном, которого встретил после войны, он сказал, что, когда в небе появлялись британские самолеты, они разбегались в поисках укрытия. Ну, когда в небе появлялись немецкие самолеты, мы разбегались в поисках укрытия, а когда это были американские самолеты, все разбегались в поисках укрытия...

Танки... Американские *Шерманы*, которые нас атаковали, были хорошими машинами, но ... они не могли поворачивать свои башни *(вероятно, немец говорит об истребителе танков M10, созданном на основе Шермана, у которого была проблема уравнивания изначально не слишком удачно спроектированной башни. [Эта неуравновешенность очень сильно затрудняла развороты башни](#) в том случае если САУ находилась не на горизонтальной поверхности)*. Мы впервые столкнулись с этим во Франции, [под Карантаном](#). Это облегчало нам уничтожение этих танков.

Вы атаковали их с флангов или с тыла?

Сзади. Мы работали парами: один с пулеметом, поливает огнем танк. Этот человек не может причинить машине вреда, но отвлекает на себя внимание, вынуждает танк вертеться и дает возможность закинуть мину ему на корму. Или шанс атаковать его из *панцерфауста*.

Это что-то вроде реактивного гранатомета?

Да. От удара он загорается, прожигает дырку и взрывается внутри.

Страшное оружие...

Да уж. Так оно и было.

Ни британцы, ни американцы не имели ничего похожего на немецкие танки, ничего, что могло бы сравниться с *Тиграми* или *Пантерами*...

Тигр был фантастической машиной.

Помните ли Вы, как Вас ранило?

Конечно. Я был в патруле, залег, и тут меня зацепило так, что я завопил. Подбежал санитар, потом подошел командир и сказал: «Тебе нужно в госпиталь.» Потом какое-то время я не мог есть, потому что пуля прошла через мой нос, и я не мог пошевелить нижней челюстью влево-вправо.

Сильно испугались?

Да, испугался. Потом, в Италии, мне понадобилось некоторое время, чтобы ко мне вернулась уверенность в себе.

Когда меня ранило, предполагаю, я вскрикнул, потому что увидел кровь – она шла у меня из рта, и от этого было страшно. Потом я дотронулся до своего лба – он был холоден, как лед... Подумал о матери, отце, сестре – это была первая мысль, которая меня посетила.

Подумали ли Вы о том, что рана будет смертельной?

Уверенности такой не было. Я сохранил хладнокровие.

Но Вы знали, что рана серьезная?

Да, знал.

Бомбардировка [Дрездена](#)

Можем ли мы вернуться к Рождеству 1944-го, к Вашему последнем отпуску?

Когда меня ранило в северной Франции, я получил свой последний отпуск в декабре 1944-го. Врач сказал мне: «Теперь Вы можете отправляться домой, в отпуск.» Я попросил, чтобы мой отпуск отложили на неделю, чтобы я попал домой на Рождество. Так на Рождество я оказался в своем последнем отпуске в родительском доме, в Силезии. На улицах уже был слышен грохот артиллерии – русские были на подходе. В городе формировали отряды самообороны (*вероятно, речь идет о [Фольксштурме](#) – ВК*), и я спросил, могу ли я записаться в одну из частей, но мне отказали: я был парашютистом и должен был возвращаться в свой полк...

Должно быть, расставание с семьей было полным эмоций...

Да, я думал, что больше не увижу их... Отец не хотел покидать Хинденбург.

Он был дома тогда, когда Вы приехали туда в свой последний отпуск, на Рождество?

Да. Его не взяли в армию, потому что фирма, на которую он работал, нуждалась в нем. Он был квалифицированным инженером-химиком и механиком. У него было два диплома.

Вы покинули родной дом и уехали на поезде...

Сначала все парашютисты должны были собраться в Штенгартене/Stengarten, там были наши казармы. Там я получил приказ отправляться в Дрезден, куда я и прибыл, чтобы влиться в подразделение связи. Из Дрездена нас отправили в Италию.

Вы были там во время бомбардировки?

Наш транспортный состав стоял там. Мы не могли сдвинуться с места: налет застал нас врасплох. Полагаю, первая бомбежка имела место в 2 часа ночи, следующая – в 04.00 или 04.20, еще одна – в 10 утра, после чего появилась возможность выехать из города. Мы подошли к начальнику станции и сказали ему: «Мы должны убраться отсюда, потому что не хотим, чтобы наше снаряжение было уничтожено в ходе следующего авианалета.»

Налет в 4 часа ночи мы пересидели в подвале, а утром, когда мы увидели, что бомбардировщики снова на подлете, мы побежали в поле, посреди которого стоял небольшой деревянный домик, может, 2х2 метра, и мы – трое парней - сидели в нем, когда начали падать бомбы. Я сказал парням: «Я здесь не останусь», разглядел недалеко воронку, и мы побежали к ней. Бомбы падали и взрывались, комья земли падали на наши каски. Потом мы оглянулись – домик исчез, исчез полностью.

То есть, Вы должны были вот-вот покинуть город до первого авианалета и сидели в поезде. Он стоял на месте, тут завывала сирена, Вы соскочили с поезда и побежали в поле?

Двоим пришлось остаться для охраны поезда, потому что соседний состав с нашим был набит русскими военнопленными. Во время следующего налета для охраны должен был остаться кто-то другой.

А, так Вы и оказались в подвале...

Да, а во время третьего я убежал в поле. Во время первого я был в охране.

И неподалеку от Вас были русские?

Да, это меня сильно огорчило. Нас там было четверо или около того. Когда бомбы стали падать неподалеку, приходилось падать на землю или искать укрытие. Но у русских не было такой возможности. Это было жестоко по отношению к ним, не по-человечески... После первого рейда Дрезден горел. В городе было очень много беженцев с востока. Это был красивый город, город фарфора...

Вы не ожидали, что это произойдет?

Нет, вовсе нет. Ну а потом, после бомбежек, мы двинулись на юг и через Бреннерский перевал добрались до Италии...

Когда я побывал в Дрездене после войны, я поднялся на холм, и с него был виден весь [лежавший в руинах] город. В 54-м приехал в Лондон и был удручен тем что все развалины так и остались на месте.

Последнее возвращение в Италию – начало 1945 года

Когда Вы прибыли в Болонью?

Думаю, это было в конце февраля 1945 года. Сражение за Болонью началось примерно 11 или 12 октября 1944 года, и бои были ожесточенными. Меня там не было: я был в госпитале, но я получал письма от своих товарищей. Американцы пошли в наступление, которое было остановлено, и мы удерживали Болонью всю зиму... [9 апреля, день начала [последнего наступления союзников в Италии](#)] мы увидели, что всю линию фронта осветили прожектора: стало светло, как днем. Я оказался в Сан-Джованни/St Giovanni in Persiceto (северная окраина Болоньи – ВК), там же находился мой командир, полковник Клаус (Klaus). Меня и еще одного парня представили ему, потому что мы были молодыми офицерами. Он сказал: «Лучше уходите, посмотрите, что удастся сделать дальше.» Мы отправились к реке По. Мост через нее был полностью разрушен, и инженеры нашей 4-й Дивизия перебросили через нее подвесной мост...

... висящий на канатах?

Да, идешь по нему и качаешься из стороны в сторону. Мы переправлялись после полудня. Помню, было 17.30, мы пришли и усьелись на берегу, командовал там какой-то капитан, который никогда не был на фронте: у него не было боевых наград, вообще ничего. Потом прилетели два пикирующих бомбардировщика – они прошили над мостом, спустились, потом снова поднялись вверх. Капитан скомандовал: «Всем лечь на брюхо!» Мы ответили ему: «Ты, наверное, сошел с ума!» Ох и напуган был он. Позднее мы узнали, что с 5 до 8 вечера можно было переправляться, ни о чем особенно не беспокоясь. Транспортные

средства тоже можно было использовать на дорогах, потому что американцы ужинали. Ну и эти пролетели, и больше мы их не видели...

Короче, мы добрались до Сан-Джованни, а потом отправились в Болонью. К этому времени 1-я и 4-я дивизии сгруппировали вместе в 1-й Воздушно-десантный Корпус. Генерал [Хайдрих](#) командовал под Кассино 1-й Дивизией, моей, 4-й, командовал генерал [Треттнер](#). Ну, прибыл я в Болонью, переправился через реку, потом направился к реке По. Мы снова собрались у реки По, потом появился наш корпусной командир, который сказал: «Мы здесь мало что можем сделать, будем переправляться через реку.» Но переправа была делом рискованным: По - очень опасная река. Многие из наших парней погибли, пытались переплыть через нее, так что мы попытались сколотить плот. Сколотили, пошли за своими вещами, а когда вернулись, увидели, что он тонет где-то посередине реки. Генерал Хайдрих сказал: «Уничтожьте всю технику, которая у вас есть.» Все пушки и машины были уничтожены.

Удача была со мной: я и мой друг успели забежать на один из последних паромов, на котором перебрались на другой берег. Там мы снова собрались вместе. Дело было весной, где-то в апреле. Когда мы переправлялись через По, было 10 или 11 апреля 45-го. Точно не скажу. С того момента мы отступали. Спустились в какую-то долину, после чего 1-я Дивизия направилась в сторону Триеста, а наша, 4-я, пошла на север. Противник, его пехота, больше не вступал с нами в бой, по большей части, нас атаковали с воздуха. Самолеты нас бомбили и обстреливали, передвигаться было трудно. Верона была старинной крепостью, там было много подземелий. Как-то бомба упала рядом с входом в одно из них, и началась паника – не среди нас, из 4-й Дивизии, а других – там были и солдаты, и гражданские... После этого мы стали подниматься вверх по долине одной из рек и заняли позиции, на которых раньше находились части СС: они отступили в горы. Мы пробыли там дней 10, после чего пошли в сторону Роверетто/Roveretto (60-65 км к северу от Вероны – ВК).

Немецкие парашютисты в Италии

Наступил май. Война в Италии окончилась 2-го числа. Конечно, какие-то части все еще сражались против русских. Мы провели два дня в Роверетто, а потом решили, что надо попытаться перейти через Альпы. Тронулись в путь, но неожиданно попали под обстрел и вернулись. Следующей ночью мы снова были на марше, уже в темноте. У нас все еще были мулы, на которых мы могли перевозить кое-какие припасы, у нас оставались

пулеметы. Мы снова попали под огонь, вернулись и в дальнейшем не трогались с места. Мы ведь хотели добраться до Австрии, чтобы вступить в бой против русских, но не довелось. В этом городе мы могли купить себе галеты и все остальное. В один из дней я с моим другом и еще с парой парней, думаю, нас было пятеро или шестеро, шли в лавку, чтобы что-то купить, и тут напротив нас оказались четверо или пятеро партизан. Один из них, постарше, был намного выше меня – просто бычина какой-то. Он сказал: «Куда вы направляетесь?» У него был вокруг шеи обмотан красный шарф, и это говорило том, что он был коммунистом. Мы ему: «Идем в магазин, хотим купить галет.» Он говорит: «Но вы – наши враги.» Мы ему: «Вы не можете нас остановить. Сами видите, что мы можем с вами сделать.» Они подошли поближе, и я сказал им: «Нет смысла затевать тут спор.» Они ушли, но я сказал парням: «Лавочника повесят.» Мы зашли в лавку и сказали хозяину, что предоставим ему охрану, чтобы он мог уйти из города: «Уходите отсюда, и побыстрей.» Он ушел, и больше мы его не видели.

Многие местные хотели уйти на юг, особенно молодежь, но мы им не давали такой возможности. Прежде всего, они могли выдать наше расположение, сколько нас... Нет, этого мы допустить не могли.

Какой была обстановка в Италии, когда Вы туда вернулись?

У нас были хорошие отношения с местными. Многие подходили к нам, особенно молодые женщины и девушки – они подходили и говорили: «Заберите нас с собой, потому что придут американцы и изнасилуют нас.»

Немецкие парашютисты на привале. Италия, 1944 год

То есть, они боялись американцев, а не британцев или канадцев с новозеландцами?

Да. Да и мы сами предпочитали драться с новозеландцами.

А почему?

Потому что они воевали по-честному. Они никогда не прибегали к каким-либо грязноватым трюкам... Короче, женщины стали прибиваться к нам, но мы говорили им: «Нет, вам нельзя уходить с нами, потому что вы будете нам обузой, если нам придется заботиться о вас. Если вы погибнете, а ведь вы гражданские лица, нас будут обвинять в этом.» На нас валят все подряд, так или иначе...

То есть, на том этапе Вы постоянно находились в движении?

Постоянно.

Спали Вы где придется? Иногда в домах, но чаще под открытым небом?

Да. Если могли, мы спали в конюшнях, потому что дело было зимой, и там, где были домашние животные, было тепло.

Когда вы вернулись в Италию в 1945-м, заметили ли Вы, что снабжение ухудшилось?

Да, у нас стало меньше боеприпасов, особенно для винтовок и пулеметов.

А что насчет еды?

С едой было все в порядке.

Из чего состоял Ваш обычный рацион?

Полбуханки хлеба – это был особенный хлеб, прекрасный хлеб. Были масло, виноград, овсянка. Полбуханки хлеба уходило на ужин и завтрак... Еды хватало. Нас снабжали лучше, чем многих других.

Вы имеете в виду парашютистов?

Да. Во время прыжков нам давали литр молока сверх нормы, полфунта масла сверх нормы. Именно в день, когда был прыжок.

Можете ли вы припомнить день, когда остались голодным?

Еды всегда хватало. Мы никогда не голодали.

В каком вы были звании?

Лейтенант, но в отличие от вас [британцев] у нас не было пимпочки на погонах.

На что делились Ваши части? В британской армии были взвода и роты?

Ну, и у нас было то же самое. Отделения в 10 человек, потом взвода.

И Вы командовали взводом?

Да.

Сколько человек было у Вас под началом?

40 или 50, могло быть и меньше.

То есть, в роте 3 или 4 взвода?

Да, потом шел батальон. Три взвода в роте, три роты в батальоне, плюс рота снабжения.

Итак, в батальоне было бы около 500 человек?

Да, в военное время в полку четыре батальона. Когда мы были во Франции, у нас в полку было 1 800 человек. Через десять дней, когда мы снова собрались вместе, от них под началом майора [Фон дер Хайдте](#) (Von der Heydte) осталось всего 40, остальные погибли в Карантане в июне 1944 года.

Вернемся в Италию. Когда мы возвратились, ситуация стала другой: вокруг было множество партизан. Однако местное население относилось к нам довольно дружески. Еще одно – если кто-то из нас был замечен в краже чего-то, он попадал под трибунал.

Это стало серьезным проступком?

О, да, делать это стало совсем непозволительно.

То есть, не было никакого мародерства, никаких грабежей, ничего похожего на это?

Я говорю про свою часть, про другие не знаю.

Когда Вы вернулись в Италию, Вам противостояли, главным образом, американцы, не так ли?

Да. Мы удерживали свои позиции всю зиму, потом пришла весна, и [нам пришлось отходить к реке По](#). Там мы получили приказ уничтожить все снаряжение и технику, и мы остались лишь с винтовками.

Итальянский плакат времен ВМВ, на котором изображен черный американский солдат. Надпись: Защити! Это может быть твоя мать, твоя жена, твоя сестра твоя дочь.

Меня заинтересовали Ваши слова о том, что итальянские женщины хотели остаться с Вами, чтобы не быть изнасилованными американцами...

Думаю, итальянцы доверяли нам. По ночам они иногда впускали нас в свои дома, в Сан-Джованни приглашали к себе.

И это происходило тогда, когда война уже почти окончилась...

Да, в 45-м, всего за несколько месяцев до окончания войны, они все еще относились к нам дружелюбно.

Плен, возвращение домой, эмиграция, размышления о войне

После войны первоначально нас удерживали в ..., а потом отправили в Анкону/Ancona, где разместили на макушке какого-то грязного песчаного холма. Дважды я испытал дурное обращение со стороны британцев. Еды нам давали совсем мало. Некоторые из нас не выдерживали жары и падали в обмороки, и тогда британцы били их прикладами своих винтовок. Это был первый раз. Второй раз это случилось тогда, когда я оказался в лагере для военнопленных в одном из городков, и обращались с нами очень плохо: там мы пробирались через проволочное ограждение и воровали виноград. В январе 1946-го я оказался в Таранто... Потом было еще одно место - там нас заставляли таскать ведра с фекалиями и выливать и в яму в центре городка. Это было унижительно, а местные жители аплодировали. Думаю, там немцев ненавидели. Дело было где-то близ Неаполя, название городка я не помню.

*Итальянские партизаны передают новозеландцам сдавшихся им в плен немцев.
Северная Италия, 29 апреля 1945 года*

В декабре 1946 года меня освободили. В то время мы работали в Кассино. Нам говорили так: «Вы разрушили монастырь, вы его и восстанавливайте.» Там мы перетаскивали тяжелые камни. Были там и неразорвавшиеся бомбы, поэтому приходили американцы и британцы и обезвреживали их. В декабре 45-го меня поставили командовать группой из 30 немецких военнопленных, после чего нас отправили в лагерь в Санто-Спирито/Santo Spirito на поправку. Там было еще 30 новозеландцев, и с нами обращались так же, как и с ними. Кормили так же, все как у них. Начальником над всеми был майор [Джон Бартум (John W.

Bartrum]], и как-то он позвал меня к себе в палатку и спросил: «Не возражаете, если я спрошу, не хотите ли Вы и Ваши друзья выйти принять участи в патрулировании: по одному от новозеландцев и от немцев?» Я сказал, что поговорю с людьми. Все согласились, потому что обращались с нами хорошо. Он сказал мне: «Нам приходится охранять лагерь от итальянцев, потому что они могут ограбить нас.» Потом мы с майором даже подружились...

В последний вечер пребывания там он позвал меня к себе и сказал: «Давайте выпьем. виски? Вам неразбавленный или с водой?» Я ему: «В чистом виде.» Я не знал, что такое виски, думал, что это что-то вроде шнапса. С той поры я ни разу не пил виски. Потом, когда я уже учился в университете, он приехал ко мне с визитом и сказал: «Почему бы Вам не приехать и не посмотреть на Новую Зеландию своими глазами?» Я подумал про себя, что сталкивался с новозеландцами на войне, почему бы мне не встретиться с ними в мирное время?

Потом, в 1952-м, я окончил университет.

На кого Вы учились?

На инженера.

А где Вы встретились со своей женой?

В 44-м в Кельне, перед моей отправкой во Францию, она была там в составе части аэродромного обслуживания. Какое-то время мы поддерживали связь, но три года я ее не видел.

Вы женились вскоре после того, как приехали во Франкфурт?

Да.

Тогда Вы работали механиком-ремонтником?

Да, но потом мой тесть оплатил мое обучение в университете, и так я получил диплом.

И потом Вы уехали в Новую Зеландию?

Сначала я поработал во Франкфурте, потому что мне были нужны деньги на это путешествие.

Нет ли у Вас сожалений по поводу того, что Вы покинули Германию?

Иногда бывает, когда я смотрю на пенсии, которые платят в Германии...

Вы говорили, что Вам нравилось воевать в парашютных войсках. Должно быть, Вы теряли друзей во время войны. Как Вы с этим справлялись?

Погиб мой друг – я предположил, что он погиб. Я услышал его вскрик по радио, потом наступила тишина. После этого я больше ни с кем не сближался.

Это был Ваш лучший друг?

Да. Он пришел в полк в Кельне, перед тем, как мы отправились во Францию. Мы были прикомандированы к 3-му Батальону. Тео – он был из Нюрнберга. Отличный парень!

И потом Вы приняли решение близко ни с кем не дружить?

Нужно было оставаться дружелюбным, потому что люди полагаются на тебя, но я решил больше не сближаться ни с кем, потому что ты не знаешь, когда это может прерваться. Когда друг погибает, ты получаешь сильный эмоциональный шок. После того, как погиб Тео, я на пару дней оказался в депрессии, но потом перестал думать об этом, потому что нужно сконцентрироваться на том, что происходит с тобой...

А была ли у Вас такая мысль: «Со мной этого не случится»?

Я никогда не верил, что это случится со мной.

На войне человек видит столько всего ужасного – как Вы считаете: человек к этому привыкает?

Нет, ничуть. Я не выношу вида крови, также не выношу вида сырого мяса.

Это напоминает Вам о войне?

Да, отбрасывает назад, туда...

Ваше отношение к войне менялось как-то, пока Вы участвовали в боевых действиях?

Нет, у меня всегда было такое ощущение, что мое дело правое, потому что я не делаю это для себя, - я делаю это для *Фатерлянда*. Я защищаю свой дом, свою семью и многие другие семьи, потому что это мой долг. Я не прославляю войну и надеюсь, Вы понимаете: я от этого далек. Войны должны быть объявлены вне закона.

Должно быть, для Вас все рухнуло, когда война окончилась?

Да, потому что мы думали, что сможем исправить то, что случилось после ПМВ, и что теперь победа будет за нами. Но надежды на победу улетучились, когда после штурма Карантана большая часть из нас была уничтожена, и от нас осталось всего 40 человек... Когда ты оказываешься в такой ситуации, будучи простым солдатом, ты чувствуешь опустошение.

Был ли у парашютистов свой кодекс чести?

О, да. Одним из приказов, отданным нам Гитлером, был следующий: Сражайся по-честному, относись к врагу как к равному, обращай с ним подобающе, когда берешь его в плен, никогда не причиняй вред беззащитному. Будь тверд, но справедлив.

И это было привито Вам, когда Вы вступили в ряды парашютистов?

Да. Помню, как высаживалась в Нормандии американская 101-я Воздушно-десантная Дивизия. Нам запрещали вести огонь по парашютистам, пока они не приземлились. За стрельбу по находившемуся в воздухе можно было попасть под трибунал. На Крите как-то человек повис на дереве, так они подошли и убили его. Нам не разрешили бы это сделать ни под каким-видом.

Комментарий переводчика: по находившимся в воздухе и повисшим на деревьях десантникам стреляли солдаты всех армий. Хайнц Пушманн явно стремится облагородить образ немецкого парашютиста.

А с Вашим отцом что случилось?

Когда появились русские, мой отец был на службе. Они в тот момент везли через город немецких военнопленных и какого-то и количества не досчитались. Они взяли его ... , и вернулся он из Сибири только через два года.

И с Вашей матерью он так больше и не увиделся?

Нет.

Он попал в ГУЛАГ?

Да, на шахты. У него были проблемы с ногами, это отразилось на его сердце, и находившийся там немецкий врач сказал ему: «Вы должны работать.» Он ответил ему: «Я не могу работать: я слишком слаб.» Потом пришла русская женщина-врач и, по словам моего отца, сказала вот что: «Что не так с этим человеком?» Немецкий врач ответил: «Он не хочет выходить на работу.» Он увидела его распухшие ноги и сказала: «Он не должен идти на работу: он болен.» Его отправили в госпиталь, потом посадили на поезд, и он отбыл в Германию...

Итак, через два года после войны он вернулся?

На самом деле, в начале 1947-го.

Полагаю, Хинденбург изменился с той поры?

Да, теперь он называется Забже. Отец жил там до самой смерти. Я посетил его в 1972-м вместе с женой. Через три года он умер.

Вы поддерживали с ним связь после войны?

Да, переписывались, но что такое письма, когда нет личных встреч?

Вы поддерживаете контакты со старыми товарищами?

Не особенно.

Посещаете Германию время от времени?

Пытаюсь каждые 3-4 года.

Вы здесь тоже работали инженером?

Да, а потом читал лекции и преподавал немецкий язык. Делал это с большим удовольствием...

Ну а с бывшими американскими солдатами Вы пересекались?

Конечно.

Вы с ними говорили о войне?

Нет, о войне не говорили. У моего шурина (?) в Германии есть друг-американец. Очень хороший малый, один из немногих, кто мне понравился. Все они разные люди...

Источники

<https://griffonmerlin.com/wwii-interview/heinz-puschmann/>

<https://griffonmerlin.com/2013/12/23/heinz-puschmann-another-old-friend-gone/>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org